

Странное было чувство.

Когда Фан Хуай стоял на сцене, от него было почти невозможно отвести взгляд.

Никакого представления. Стройный ритм финала был нарушен, но почему-то это не казалось неуместным.

Фан Хуай полностью завладел всеобщим вниманием.

Некоторые зрители в замешательстве даже повернулись спросить у соседа:

- Это был запланированный сюрприз от шоу?

Обычно у конкурсных шоу был четкий формат: как правило, сначала показывали заранее записанную видеовизитку, затем следовало выступление участника, оценки судей и их комментарии. Многие уже подумали, что конкурс подходит к концу, как вдруг откуда ни возьмись появился человек.

И он не просто вошел - он выпрыгнул прямо на сцену.

Это должно было выглядеть резко. Но аура и внешность Фан Хуая оказались достаточно сильны, чтобы сгладить момент. Это не разрушало атмосферу - лишь интриговало.

Человек рядом неловко улыбнулся.

- Нет, он просто...

Но внезапно он умолк. Как и многие другие, его глаза невольно приковались к сцене.

Весь зал погрузился в тишину. Некоторые даже затаили дыхание.

Юноша выпрыгнул на сцену и теперь стоял в ее центре, а его длинные ресницы ловили блики света.

Он протянул руку вперед - его правая ладонь, до этого сжатая в кулак, медленно разжалась.

В следующую секунду ворвалась музыка!

Это был электронный бит, имитирующий сердцебиение, что нарастало и спадало, словно приливы и отливы. Освещение мерцало в такт ритму, пульсируя в унисон с юношей, стоявшим в центре сцены.

Он поднес руку к наушнику.

Зрители инстинктивно затаили дыхание.

В прошлый раз, когда Фан Хуай стоял на этой сцене, он был скованным и неуверенным. Но сейчас казалось, будто каждый его вздох плавно вливался в мелодию.

Вступительная музыка постепенно ускорялась, подводя к последнему затемнению перед тем, как свет вновь вспыхнул.

[Погодите, эта песня?!]

[Этот паренек что, зазнался от фанатских похвал? Забыл, как ужасно провалился в прошлый раз?]

[Не знаю... Мне кажется, он весь как-то изменился в этот раз. Я даже взволнована.]

Песня называлась "Childish" (Детский).

Свет снова вспыхнул.

После краткого мгновения темноты все взгляды в зале устремились на сцену.

И в тот же самый момент юноша открыл глаза...

И спел первую строчку.

Его голос был чистым и ясным, гладким, но с легкой хрипотцой, несущий в себе тот мягкий, юношеский тембр, от которого по спине пробежали мурашки. Может, из-за болезни, но в голосе слышалась легкая гнусавость, едва заметная осиплость - и все же это каким-то образом идеально подходило стилю песни.

Это была английская песня. Автор написал ее всего в шестнадцать лет.

Сяо Ван была потрясена, потому что, хотя хореография к этой песне и не была сложной технически, она изобиловала невероятным количеством мелких деталей. Даже ей, студентке танцевального факультета, было утомительно разбирать каждое крошечное движение. Чтобы освоить их, требовалось огромное количество усилий и терпения.

Но если исполнить хорошо, эффект был потрясающим.

И как только первая строчка слетела с его губ, Фан Хуай сделал небольшой шаг вперед - точно попадая в ритм.

На нем не было макияжа, но под светом софитов его кожа казалась безупречной. Рубашка, чуть великоватая, похоже, была ему не по размеру, и когда он двигался, свободный воротник сдвигался ровно настолько, чтобы приоткрыть бледную ключицу.

Высокий и стройный, все его тело излучало необъяснимое изящество.

Каждый его шаг идеально попадал в такт. Его естественно взъерошенные волосы слегка взметались при движениях. Каждое движение было плавным, легким, несущим в себе уникальное сочетание мальчишеского очарования - крутого, но беззаботного, поразительно красивого, почти нереального.

На первый взгляд танец казался расслабленным.

Словно красивый старшеклассник лениво дремлет на уроке математики и рассеянно протягивает руку, чтобы подразнить крошечного котенка, свернувшегося на подоконнике. Или словно подросток бесцельно бродит по улицам после школы, с рюкзаком на одном плече, улыбаясь, протягивает конфету девочке своего возраста, как будто само время - это бесконечная роскошь, которую можно тратить как угодно.

Хореография сочетала в себе элементы вальса и джаза - грациозная, но игривая, элегантное противоречие в идеальной гармонии.

Внешне танец выглядел непринужденным, но у "Childish" был невероятно быстрый ритм, наполненный сложными деталями.

Обычный человек выдохся бы уже на полпути. Фан Хуай, и так с температурой, продержался всего тридцать секунд, прежде чем легкий румянец разлился по его щекам. Слух начал искажаться, ослабляя контроль над мелодией. Ему приходилось напрягаться, чтобы просто уловить ритм ударных в фонограмме.

И все же он не сбился ни на одном шаге.

Бесчисленные часы неустанных тренировок впечатали хореографию в его мышечную память. Даже не слыша отчетливо музыку, пока он улавливал хотя бы малейший намек на ритм, он мог попадать в каждый такт с предельной точностью и безупречно выполнять каждое движение.

Из-за жара кончик его носа и щеки подернулись румянцем. Его светло-янтарные глаза были затуманены, почти отрешены. Красивый, опрятный - но несущий в себе хрупкую красоту, от которой невозможно было отвести взгляд.

После короткой тишины публика снова взорвалась.

[Почему он сейчас так чертовски привлекателен?! Что происходит?!]

[Я одна тут за его пением слежу? Твою ж мать, почему у него такое безупречное произношение? Этот британский акцент меня убивает!]

[Мятежный парень с энергетикой милого котенка? ДА. Я ВЛЮБИЛАСЬ.]

[Он что, внезапно всему научился??! Я видела этот танец раньше - не хочу начинать драму, но он реально хорош. В нем есть какой-то вайб, который трудно описать.]

Певческие способности Фан Хуая никогда не подвергались сомнению. С самого первого тура прослушиваний его вокальный талант вел его вперед. Но в этот раз, хотя его голос оставался великолепным, его танец завораживал не меньше.

Пленительный. Невозможно игнорировать.

Как студентка танцевального, Сяо Ван видела все яснее, чем обычный зритель. Фан Хуай, должно быть, тренировался до изнеможения - каждая деталь этой рутины была отточена до совершенства, настолько, что излучала непринужденное, естественное изящество. Танцоры называли это "чувствовать музыку".

Она была рада, что не ушла с трансляции раньше, но также пожалела, что не записала это выступление.

Был ли Фан Хуай одарен от природы, или это был исключительно результат упорного труда? В этот момент никто не мог сказать наверняка.

Режиссер, однако, был в восторге.

Его рискованная ставка оправдалась.

Он видел репетиционное выступление Фан Хуая раньше - прогресс по сравнению с третьим туром был значительным, но все еще далеким от этого уровня.

Он не только удержался на сцене, но и выдал совершенно неожиданное и незабываемое выступление.

"Childish" - песня, дышавшая юношеской беззаботностью, но ее быстрый темп делал ее

обманчиво сложной. Однако настоящая трудность заключалась в бридже - внезапной смене темпа, который еще больше ускорялся. Электронный бит становился немного сюрреалистичным, подводя песню к кульминации.

Некоторые критики называли эту часть просчетом. Но для многих фанатов именно этот момент заставлял их влюбиться в песню.

И теперь публика с нетерпением ждала его.

А потом - произошел непредвиденный инцидент.

На Фан Хуае была льняная рубашка кремового оттенка, не строго-белая, а с легким винтажным, бежевым подтоном. Пуговицы были чуть крупнее обычного, и поскольку сидела она свободно, его движения часто приоткрывали вид на талию или ключицу.

Во время одного особенно резкого движения, когда он прогнулся назад, что-то пошло не так...

Верхняя пуговица его рубашки внезапно оторвалась!

Это была самая первая пуговица у воротника. Без нее обнажился небольшой участок его груди. Фан Хуай не был чрезмерно мускулистым, но тонкий рельеф мышц покрывал его ключицы и грудь - едва заметный, но выразительный, словно тонкий фарфор.

Зрители уже готовы были закричать.

И тут...

Случилось самое невероятное.

Пуговица взлетела в воздух...

И приземлилась прямо между губами Фан Хуая.

Высокий, стройный юноша в свободной винтажной рубашке. Светло-янтарные глаза затуманены от жара, щеки слегка покраснелись. Виднеется изящная ключица. А между губ - одна пуговица.

"..."

На долю секунды в его янтарных глазах мелькнуло недоумение.

Но в следующее же мгновение он плавно перешел к следующему движению, незаметно спрятав пуговицу в ладонь, когда поправлял наушник.

Волна криков прокатилась по залу.

Онлайн-чат взорвался.

[АААААХ, Я УМЕРЛА! Это было так ловко! В оригинальной хореографии такого движения не было!]

[Это ведь была случайность, да?! Его реакция просто безумна!]

[Как мило, хахаха! Кто-нибудь еще заметил это мимолетное замешательство?!]

Этот неожиданный инцидент лишь усилил предвкушение, заставив всех еще больше жаждать того, что будет дальше.

Но только сам Фан Хуай знал...

Его состояние было ужасным.

На самом деле, оно ухудшалось с каждой секундой. Голова раскалывалась, горло болело, и то, что началось как легкая температура, теперь переросло в сильный жар - неся с собой звон в ушах и искаженное зрение. Его глаза затуманились не от нарочитого актерства, а от чистой боли, вызывающей рефлексорные слезы.

А следующая часть песни была еще сложнее, требуя большей точности и в пении, и в танце.

Он хорошо это скрывал. Почти никто не заметил в нем ничего необычного.

Кроме одного человека.

Высокий мужчина с резкими чертами лица в безупречно сшитом костюме молча стоял, наблюдая за сценой с серьезным взглядом.

Он присутствовал на каждом выступлении Фан Хуая. Он не всегда встречался с ним лично, но как бы занят он ни был, он всегда находил время прийти.

Этот вечер не стал исключением.

На самом деле, всего полчаса назад именно он привез сюда Фан Хуая - когда у мальчика все еще была температура.

Е Ююань не хотел, чтобы он выступал в таком состоянии. Тогда, глядя в эти бледные, решительные глаза, он долго молчал. В конце концов, он лишь сжал губы и уступил.

Это было решение Фан Хуая. Никто другой не имел права выбирать за него.

Даже если это причиняло боль.

Глядя на этого упрямого мальчика, преодолевающего жар, заставляющего себя быть на высоте, - грудь Е Ююаня защемило от чего-то острого и болезненного.

Все в зале аплодировали, пораженные удивительным прогрессом Фан Хуая.

Е Ююань внешне никак не реагировал. Его темные глаза оставались спокойными, выражение лица - непроницаемым. Но его хватка на подлокотнике усилилась - костяшки пальцев побелели.

Затем, без предупреждения, он встал.

Его секретарь, встревоженная, повернулась к нему.

- Президент Е?

Е Ююань долго смотрел на юношу на сцене. Затем, не говоря ни слова, повернулся и вышел.

Коридор был длинным, тускло освещенным далеким светом.

Приватный коридор соединял VIP-ложу на втором этаже с закулисным. Проходя мимо одной из комнат, он уловил донесшийся изнутри голос.

Его шаги замедлились.

На кратчайший миг в его глубоких, бездонных глазах мелькнула искра холодной насмешки - лишь для того, чтобы тут же исчезнуть.

Он пошел вперед, через служебный проход, пока не достиг места рядом со сценой.

Это была зона вне поля зрения камер - но достаточно близко, чтобы отреагировать на любую чрезвычайную ситуацию.

Е Ююань стоял прямо и неподвижно. Слабое сияние сценических огней касалось его плеч, отчего казалось, будто на него опустились иней и снег. Он молчал, слегка наклонив голову вверх, его глубокие черные глаза смягчились, пока он пристально смотрел на сцену.

Его сердце и мысли были целиком заняты его ребенком.

Все приветствовали Фан Хуая, очарованные им, надеясь, что он поднимется выше и взлетит дальше.

Лишь Е Ююань боялся, что тот останется скитаться без дома.

Лишь Е Ююань беспокоился о его боли, его печали, его трудностях.

И лишь Е Ююань думал...

"Если Фан Хуай упадет... как мне его поймать?"

<http://bllate.org/book/17922/1717313>